

ИСТОРИЯ ВЛАСТИ HISTORY OF GOVERNMENT

DOI 10.15826/izv2.2024.26.3.048
УДК 94(470)“17” + 336.1(09) + 347.9:94(470)
+ 658.71(09) + 343.102 + 929 Петр (470)*I +
+ 929.73 Волконский М. И.

Д. А. Редин
*Институт истории и археологии
УрО РАН*
Екатеринбург, Россия

СЛЕДОВАТЕЛЬ ПОД СЛЕДСТВИЕМ: ПОЧЕМУ ПЕТР I КАЗНИЛ КНЯЗЯ М. И. ВОЛКОНСКОГО?

Князь Михаил Иванович Волконский, майор лейб-гвардии Семеновского полка, 25 июля 1713 г. по именному указу Петра I возглавил первую в истории России канцелярию досудебного следствия. Ее создание, как и возникновение позднее других подобных канцелярий, стало реакцией царя на вскрывшиеся крупные хищения казенных средств. Следственная, или розыскная канцелярия кн. Волконского была призвана расследовать одно из резонансных дел того времени: международную контрабандную деятельность братьев Дмитрия и Осипа Соловьевых. Обвинения против них выдвинул архангелогородский вице-губернатор А. А. Курбатов, бывший глава Ратуши, одного из ведущих финансовых учреждений страны в 1700-х гг. Вскоре после прибытия в Архангельск М. И. Волконский развернул следствие против самого Алексея Курбатова. Судя по всему, майор-гвардеец поступил так под влиянием кн. А. Д. Меншикова, связанного с криминальной деятельностью братьев Соловьевых. Хотя Петр I в итоге санкционировал расследование не только дела Соловьевых, но и Курбатова, он остался недоволен действиями Волконского. Последний был уличен в получении взяток и процессуальных нарушениях, в 1716 г. отстранен от следствия, а в начале ноября 1717 г. расстрелян по приговору военного суда, утвержденного царем. Долгое время детали следствия и суда над Волконским были неизвестны. В статье, на основе недавно обнаруженных новых источников, раскрываются некоторые эпизоды следствия над Волконским. Автор приходит к выводу о том, что жесткий и скорый в исполнении приговор, вынесенный князю, был обусловлен не столько допущенными им правонарушениями, столько тем, что он не оправдал царского доверия, чем вызвал гнев монарха. Печальную участь первого российского следователя Петр I поставил примером для его преемников и последователей.

Ключевые слова: М. И. Волконский; Г. И. Кошелев; А. А. Курбатов; Д. А. Соловьев; Архангельск; следственная канцелярия; следственное делопроизводство

Цитирование: *Редин Д. А. Следователь под следствием: почему Петр I казнил князя М. И. Волконского? // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2024. Т. 26, № 3. С. 165–177. <https://doi.org/10.15826/izv2.2024.26.3.048>*

Поступила в редакцию: 08.02.2024

Принята к печати: 08.07.2024

Dmitrii A. Redin

*Institute of History and Archaeology UB RAS
Ekaterinburg, Russia*

INVESTIGATOR UNDER INVESTIGATION: WHY DID PETER THE GREAT EXECUTE PRINCE M. I. VOLKONSKY?

On 25 July 1713, Prince Mikhail Ivanovich Volkonsky, Major of the Lifeguards of Semenovsky Regiment, was appointed by Peter I to head the inaugural office of pre-trial investigation in Russian history. The establishment of this office, along with the subsequent emergence of analogous institutions, can be attributed to the tsar's response to the revelation of extensive misappropriation of government funds. The investigative office of Prince Volkonsky was tasked with investigating one of the most prominent cases of the era: the international smuggling activities of the Solovyov brothers, Dmitry and Osip. The brothers were accused of criminal activities by Arkhangelsk Vice-Governor A. A. Kurbatov, the former head of the Town Hall, which was one of the country's leading financial institutions in the 1700s. Upon his arrival in Arkhangelsk, Volkonsky promptly initiated an investigation into Kurbatov himself. It would appear that the guards major acted under the influence of Prince A. D. Menshikov, who was associated with the criminal activities of the Solovyov brothers. Despite authorising the investigation of the Solovyovs' case and that of Kurbatov, Peter I was dissatisfied with Volkonsky's actions. The latter was convicted of accepting bribes and procedural violations in 1716 and removed from the investigation. In early November 1717, he was shot by the verdict of a military court approved by the Tsar. For an extended period, the specifics of the Volkonsky investigation and trial remained obscured. The article, based on recently discovered new sources, reveals hitherto unknown details of the Volkonsky investigation. The author posits that the severe and expeditious punishment meted out to the prince was largely attributable to his inability to substantiate the royal trust, a deficiency that incensed the monarch. Peter I established the unfortunate fate of the inaugural Russian investigator as a precedent for his successors and followers.

Keywords: M. I. Volkonsky; G. I. Koshelev; A. A. Kurbatov; D. A. Solovyov; Arkhangelsk; investigative office; investigative office work

For citation: Redin, D. A. (2024). Sledovatel' pod sledstviem: pochemu Petr I kaznil kniazia M. I. Volkonskogo? [Investigator under Investigation: Why did Peter the Great Execute Prince M. I. Volkonsky?]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*, 26(3), 165–177. <https://doi.org/10.15826/izv2.2024.26.3.048>

Submitted: 08.02.2024

Accepted: 08.07.2024

Лейб-гвардии Семеновского полка майор кн. Михаил Иванович Волконский стал руководителем первой в истории России следственной (розыскной) канцелярии именованным указом Петра I от 25 июля 1713 г. Канцелярии кн. Волконского было поручено расследовать одно из самых резонансных дел того времени: масштабную криминальную деятельность братьев О. А. и Д. А. Соловьевых, обличительные материалы против которых подал на высочайшее имя архангелогородский вице-губернатор А. А. Курбатов. Общие обстоятельства этого дела, ход расследования и печальную судьбу самого следователя кн. М. И. Волконского, расстрелянного на основании приговора гвардейского кригсрехта 9 ноября 1717 г., наиболее полно на сегодняшний день восстановили Д. О. Серов и А. В. Федоров. Касаясь оснований этого приговора, исследователи писали, что Волконского уличили в вымогательстве взяток и процессуальных нарушениях, допущенных им в ходе следствия. Вместе с тем, отмечали авторы, «состав инкриминированных М. И. Волконскому деяний на сегодня окончательно не прояснен. Поиск материалов как следственного, так и судебного производств по делу Михаила Волконского, предпринятые в фондах трех федеральных архивов, оказались к настоящему времени безрезультатными» [Серов, Федоров, с. 68].

По счастливому стечению обстоятельств мне удалось обнаружить материалы одного эпизода следственного дела против М. И. Волконского, отложившегося в РГАДА в фонде Канцелярии конфискации (№ 340). Эти документы, как и по ряду других следственных дел подобного рода, ведшихся в середине — второй половине 1710-х гг., оказались неизвестными Д. О. Серову и А. В. Федорову просто потому, что в годы их работы над книгой эти дела не выдавались исследователям по причине плохого физического состояния: существенного поражения грибком. Но в начале 2020-х гг. их отреставрировали; конечно, некоторое количество документов все равно оказалось утраченным (особенно первые десятки листов), но самое главное — их стали выдавать в читальный зал, а то, что удалось сохранить, содержит достаточное количество информации для работы.

В настоящей статье я представляю и анализирую некоторые документы, которые отчасти позволяют понять, какие именно процессуальные нарушения допускал во время следствия князь Волконский, а самое главное, дают основания для размышления о том, почему приговор первому российскому следователю, утвержденный царем, оказался таким жестоким, а его исполнение скорым. Но прежде чем обратиться к упомянутым документам, необходимо вкратце

напомнить, при каких обстоятельствах гвардейский майор из следователя превратился в обвиняемого.

Получив в июле 1713 г. указ о формировании розыскной канцелярии, майор Волконский должен был сосредоточить свои усилия на расследовании криминальной деятельности братьев Соловьевых (в первую очередь архангелогородского обер-комиссара Дмитрия Алексеевича, ведавшего отпуском казенных товаров к продаже за границу), т. е. по сути выяснить, насколько обоснованными являлись обвинения, выдвинутые против них А. А. Курбатовым. В процессе написания указа в него, как установили Д. О. Серов и А. В. Федоров, было внесено дополнение: помимо расследования деяний Д. А. Соловьева, Волконскому следовало провести розыск по устюжскому комиссару С. М. Акишеву, еще с 1712 г. обвиняемого местными фискалами в бесчинствах и вымогательствах взятки при взыскании недоимок с населения Устюжского уезда. Процессуальная сторона действий следователя Волконского в указе не детализировалась, за исключением того, что по мере надобности он мог применять к подсудимым пытки. Уточненная версия указа была отбелена и переподписана Петром I в тот же день, что и первоначальная — 25 июля [Серов, Федоров, с. 64].

Но, начав следствие, М. И. Волконский, довольно скоро разобравшийся с Акишевым, повернул процесс против самого А. А. Курбатова. Причина тому тоже известна: семейство Соловьевых входило в клиентуру всемогущего А. Д. Меншикова. Один из братьев (в число обвиняемых не попавший) — Федор Алексеевич, служил непосредственно светлейшему князю «маршалом» его двора, и есть все основания полагать, что международная контрабандная деятельность братьев обогащала и Александра Даниловича. Таким образом, следствие против Соловьевых ставило под удар и царского любимца. Под его нажимом и, вероятно, за вознаграждение (во всяком случае, эта ситуация создавала благоприятную среду для подкупа следователя), кн. Волконский изменил направление расследования, изначально заданное ему июльским царским указом 1713 г.

Надо заметить, что исходно монарх, как будто предчувствуя подобный поворот событий, счел необходимым особо подчеркнуть, чтобы Волконский вел расследование исключительно по делам Соловьевых и Акишева, но никоим образом не предпринимал розыскные действия против Курбатова. Об этом ясно говорилось в письме кабинет-секретаря Петра I А. В. Макарова, адресованного Волконскому буквально через два дня после подписания указа о создании следственной канцелярии его имени, 27 июля 1713 г., и написанного в силу устного высочайшего указания. Тем не менее Волконский этим пренебрег. Расследуя преступную деятельность комиссара С. М. Акишева на Устюге, он получил возможность использовать материалы следствия для установления факта покровительства деяний комиссара со стороны вице-губернатора Курбатова — и, надо сказать, не без оснований. Но занимаясь устюжским делом и стараясь превратить его в эпизод намечавшегося следственного дела против вице-губернатора, князь Михаил сам преступил закон. В конце 1713 г. в доношении на царское

имя обер-фискал А. Я. Нестеров сообщал о взяточничестве и «притеснениях» устюжан, практиковавшихся Волконским. Похожие обвинения содержались и в подметном письме новому вице-губернатору П. Е. Лодыженскому (сентябрь 1714 г.) [Серов, Федоров, с. 66–67].

Так или иначе, но А. А. Курбатов тоже был небезупречен, и сведения, собранные против него Волконским, в конце концов убедили царя: в мае 1714 г. Петр санкционировал расследовать дело «о преступлениях Курбатова», вскоре лишенного должности. Впрочем, копилось недовольство монарха действиями самого следователя, и именным указом от 27 января 1716 г. майора-гвардейца отрешили от должности и возбудили против него дело. Принято считать, что расследование по делу М. И. Волконского, вместе с «архангелогородским делом», которое в новой следственной документации именовалось «о ссоре Курбатова с Соловьевым», передали в ведение розыскной канцелярии л.-гв. капитану Преображенского полка и полковнику Г. И. Кошелеву [Там же, с. 67]. Но материалы архивного дела, обнаруженного мною, как будто свидетельствуют, что до этого судьба Волконского на некоторое время оказалась в руках другого петровского следователя — л.-гв. подполковника (фактически командира) Преображенского полка и генерал-лейтенанта кн. В. В. Долгорукова¹. Впрочем, для данного повествования это уточнение не имеет принципиального значения.

В обнаруженном мною деле сосредоточены документы по одному из эпизодов, расследовавшихся М. И. Волконским в 1715 г. против А. А. Курбатова, заинтересовавших Г. И. Кошелева. В означенный год кн. Волконский вызвал для дачи показаний, уличающих Курбатова во взяточничестве и покровительстве своим подчиненным, совершавшим различные должностные преступления, двух архангелогородских бурмистров: Ивана Ушакова, бывшего бурмистром в 1711 г., и Семена Дудина, занимавшего должность в 1713 г. Среди прочего, с бурмистров спросили отчет о земских расходах, понесенных в годы их пребывания у должности. На основе их показаний в канцелярии Волконского составили сводную ведомость, в которой были показаны статьи расходов по трем годам: 1711, 1712 и 1713, общий расход по каждой статье за три года и общий валовый расход за тот же отчетный период. Эта ведомость, или табель (в документах используются оба термина), интересная сама по себе, показала, что до половины трехлетних расходов шло на содержание самого вице-губернатора и сотрудников его личной канцелярии, а также на обеспечение губернского аппарата, фискалитета,

¹ Привлеченные впервые еще Волконским как свидетели злоупотреблений администрации Курбатова, земские архангелогородские бурмистры И. Ушаков и С. Дудин показали в канцелярии Кошелева, что они в апреле 1716 г. (т. е. после отстранения Волконского) вызывались по делу Курбатова в Санкт-Петербург для дачи показаний в «почесных подносах» вице-губернатору в «канцелярию ведения генерала-лейтенанта и от лейб-гвардии Преображенскому полку подполковника и ковалера Его сиятельства князя Василья Володимировича Долгорукова» [РГАДА, ф. 340, оп. 1, ч. 1, д. 70, л. 32]. Но в связи с тем, что кн. Долгоруков в свите царя вскоре отправился в длительное европейское путешествие, его канцелярия прекратила существование и все ведшиеся там дела передали Г. И. Кошелеву, выходящу из долгоруковской канцелярии.

офицеров местного гарнизона и разнообразных курьеров и уполномоченных, как приезжавших в Архангельск из центра, так и рассылаемых местной администрацией в пределах губернии [Редин]. Эта информация интересовала Волконского-следователя в части так называемых «почестных приносов» вице-губернатору и его людям, которые он мог квалифицировать как взятки. Кроме этой сводной ведомости, по другим показаниям, данным бурмистрами, князь Михаил выявил и другие случаи «корыстования» Курбатова и служебные злоупотребления его подчиненных [РГАДА, ф. 340, оп. 1, ч. 1, д. 70, л. 3 об.–9 об., 18–22].

Но следователя Кошелева интересовало не это. Поскольку кн. Волконский оказался в роли подследственного, Герасим Иванович должен был выяснить, насколько процессуально корректно Волконский вел свое расследование и не допускал ли он сам какие-либо противоправные действия, злоупотребляя своим служебным положением. На это и был нацелен заочный допрос Волконского («взять известие на письме») 16–20 октября 1716 г.² Прежде всего, вопросы вызвала вышеупомянутая сводная табель земских расходов. Она была составлена довольно небрежно, что видно при ее внимательном прочтении. В ней допущен ряд явных описок, приведших к неправильным цифрам расходов по отдельным статьям и годам, отсутствует итоговая запись расхода за 1713 г., а потому нет полного итога расходов за все три года. Кроме того, обнаружилось, что на табели отсутствует подьяческая справка, свидетельствующая о сверке табели с первичной финансовой документацией, а есть только скрепа «по листам» самого Волконского. Из всего отмеченного Г. И. Кошелев сделал заключение, что табель «во многих местах не верна» [Там же, л. 9 об.]. Подсчеты, сделанные сотрудниками кошелевской канцелярии, показали, что общие мирские расходы, отраженные в итоговой записи, составили 12 328 руб. 6 алт. Перерасчет постатейных и погодных показаний на основе расходных книг («против подлиннику») дал иную итоговую сумму: 10 484 руб. 19 алт. 5,5 ден., и таким образом в табели оказалось «написано лишку» 843 руб. 19 алт. 4,5 ден. [Там же, л. 9 об., 15]. Кроме того, Кошелева насторожил тот факт, что Волконский, вызвав для допроса в Санкт-Петербург двух архангелогородских бурмистров И. Ушакова и С. Дудина, не привлек третьего, занимавшего бурмистерскую должность в 1712 г.; даже его имя не фигурировало в материалах.

Все эти обстоятельства и побудили Кошелева сформулировать вопросы к Волконскому: на основании каких документов была составлена сводная табель и почему она не была проверена («справлена») соответствующим подьячим; почему кн. Волконский не вызывал к допросу третьего бурмистра?

Надо признать, что, на мой взгляд, ответы майора М. И. Волконского выглядят не очень убедительно. По его словам, составление табели выглядело так: подьячие его канцелярии в Архангельске сначала составили некие

² Указ о взятии показаний и перечень вопросов к М. И. Волконскому были посланы 16 октября, ответ составлен 20 октября.

выписки из расходных книг за 1711–1713 гг.³, а после, на основе этих выписок, была изготовлена та самая сомнительная табель, которая оказалась в центре внимания Г. И. Кошелева. Подобные ответы вызывают, по меньшей мере, два вопроса, возможно, возникшие и у Кошелева: по каким критериям делалась выборка информации из расходных книг (те самые выписки) и кто составлял итоговую табель? Майор Волконский возложил ответственность за отсутствие подписи-справы на табели на подъячего своей канцелярии Григория Сергеева: «А для чего тот перечень не за справою, о том повинен ответствовать оной подъячей», и на секретаря своей канцелярии дьяка Федора Микляева: «А о справках подъячего на нем, маэоре, взыскивать не надлежит, понеже для смотрения над подъячими в делах дан был ему, маэору, дьяк Микляев, и в том смотрении дел приказано было от него, маэора, оному дьяку» [РГАДА, ф. 340, оп. 1, ч. 1, д. 70, л. 18].

Подобный ответ странен сам по себе: первый руководитель всегда несет ответственность за все, что происходит в его ведомстве. Но дело даже не в этом; допрошенный в канцелярии Г. И. Кошелева 6 ноября 1716 г. дьяк Ф. Микляев, раскрыл любопытные детали своих деловых взаимоотношений с начальником. Со слов дьяка оказалось, что «У розыску у города Архангелского и на Устюге счетные и почесным подносом выписки и табели приказом господина маеора князя Волконского были ему не вверены, и он их не ведал, и над подъячими смотреть ему у того табельного дела не приказано». Иначе говоря, майор кн. Волконский по каким-то причинам счел нужным выделить эти самые «счетные дела» и «почесные подносы», связанные с архангелогородскими бурмистрами, в отдельное производство, отстранив от него секретаря своей канцелярии. Более того, этот комплекс дел и контроль над делопроизводством по нему («смотрение над подъячими») Волконский поручил некоему Алексею Стрелкову, присланному «к нему, маэору, ис Казани для розыску под караулом» (выделено мной. — Д. Р.) [Там же, л. 31]. Каков был статус этого Стрелкова, почему его доставили для работы в составе следственной канцелярии под караулом, почему, изъяс указанный эпизод из общего ведения своего, по сути, «товарища», дьяка Микляева, он доверил его документационное обеспечение Стрелкову, — все остается неясным, но вызывает подозрения к действиям Волконского.

Согласно показаниям Микляева, у них с князем возникали недоразумения и по более общим вопросам процессуального характера. Как сообщил дьяк, «ведал де он, Федор, с ним, маеором, розыскные дела, и при тех розыскных делах просил он у него, маеора, чтоб ему в тех розыскных делах над подъячими смотреть и дела на них спрашивать по приказному обыкновению. И он ему в том

³ По свидетельству М. И. Волконского, выписки были «справлены», т. е. сверены с первичными расходными книгами и затем «скреплены» дьяком Ф. Микляевым, что не соответствовало действительности (см. ниже) [РГАДА, ф. 340, оп. 1, ч. 1, д. 70, л. 18].

отказал и говорил, что делает не по приказному, а по армейскому» [РГАДА, ф. 340, оп. 1, ч. 1, д. 70, л. 31]⁴. Эта фраза требует отдельного комментария.

В русском праве XVII–XVIII вв. не существовало процессуальной регламентации досудебного следствия, поскольку не существовало и самого специализированного досудебного следствия, но достаточно подробно фиксировались материальные и процессуальные нормы судебного следствия и самого судоговорения. Говоря о «приказном обыкновении» организации следственного делопроизводства, дьяк Микляев имел в виду, вероятно, не только отлаженную традицией практику, но и нормы Уложения 1649 г. Общую регламентацию судебного делопроизводства определяла статья 11 главы X «О суде», отчасти восходящая еще к статье 28 Судебника 1550 г. Если говорить коротко, то в статье 11 главы X Уложения предусматривалось, что все документирование судебного расследования и судоговорения (составление судного списка) осуществляли подьячие; они же, по окончании слушания дела и рукоприложений тяжущихся сторон, составляли беловой экземпляр. В обязанности дьяка входила сверка белового судного списка с черновым («справа») и закрепление-заверение своей подписью по листам белового экземпляра [Соборное Уложение 1649 года, с. 32]. Процесс по тяжким уголовным преступлениям (татьба, разбой и пр.) Уложением не регламентировался; в главе XXI, посвященной именно этим делам, регламентировались только стадии следствия, хотя, как отмечали комментаторы Уложения, это не означало, «что в уголовном суде не было делопроизводства» [Там же, с. 186]. А что имел в виду кн. Волконский, противопоставляя «приказному обыкновению» «армейское»?

Прежде всего в качестве нормативной основы этому загадочному «армейскому обыкновению» на ум приходит «Краткое изображение процессов, или судебных тяжб» — военно-процессуальный кодекс, введенный в действие весной 1715 г. В самом деле, этот кодекс, нередко ошибочно считающийся в историографии частью Артикула воинского (см.: на этот счет: [Российское законодательство X–XX веков, т. 4, с. 405]), содержит в себе много процессуальных норм, регламентирующих деятельность военных судов — кригсрехтов. Но в нем, в отличие от упомянутой главы X Уложения 1649 г., ничего не сказано об организации судебного делопроизводства. Нет подобной информации и в указе от 21 февраля 1697 г., к которому восходит «Краткое изображение процессов», рассматривающееся в современной историко-юридической литературе как специальный закон по отношению к общему закону, т. е. к названному указу [Там же, с. 395]. Скорее всего, как и в случае с главой XXI Уложения 1649 г., делопроизводство (судебное и следственное) велось в военных судах петровского времени не на каких-то особенных «армейских обыкновениях», а в рамках

⁴ О том, что М. И. Волконский фактически отстранил дьяка Микляева от контроля над следственным делопроизводством, полностью узурпировав не только собственно розыск, но и весь круг челобитчиковых, духовных и торговых дел губерний, писал в августе 1714 г. кабинет-секретарю А. В. Макарову и сам А. А. Курбатов [Письма и бумаги... Курбатова, с. 470].

традиционного приказного порядка, осуществлялось подьячими, работавшими под надзором дьяка, и было настолько обычным и апробированным, что законодатель не посчитал нужным как-то его менять или особо оговаривать в новом кодексе. Даже если полагать, что л.-гв. майор Волконский отождествлял свою должность с должностью судьи, то и в этом он был не прав, поскольку являлся главой следственной канцелярии — органа досудебного следствия, не имевшего права на судебские полномочия и на вынесение приговора. Поэтому отстранение от следственного делопроизводства по эпизоду по «щетному делу» и «честным приносам» архангелогородских бурмистров дьяка-секретаря своей канцелярии по совершенно надуманному поводу выглядело по меньшей мере странным и необоснованным.

Стремление Волконского к особому и единоличному контролю над расследованием именно этого эпизода можно отчасти объяснить его показаниями от 16 октября 1716 г. Из них следует, что князь вызывал к допросу упомянутых бурмистров не только для объяснений по официальным земским расходам. С Ивана Ушакова он взял показания против губернского дьяка Зуева, насилием и шантажом вымогавшего деньги с Ушакова и вынуждавшего его прятать эти деньги под различные статьи мирских расходов. Что касается Семена Дудина, то он дал прямые показания против А. А. Курбатова в вымогательстве взяток и исполнении земскими силами заготовок фуража и продовольствия на личные нужды вице-губернатора [РГАДА, ф. 340, оп. 1, ч. 1, д. 70, л. 18–21]⁵. Примечательно, что как и в других регионах страны, земство не было против денежных и иных материальных подношений представителям местной власти, если их подношения укладывались в какие-то истари сложившиеся пределы. В этом смысле Ушаков и Дудин последовательно отстаивали легитимность расходов, ссылаясь на старину и всеуездные земские приговоры, дававшие им право на такие траты [Там же, л. 2 об., 13]. Но, как видно из допроса Волконского, они охотно дали показания против вице-губернатора и его подчиненных, когда речь зашла о «сверхнормативных» поборах, вероятно, выходявших за рамки традиционных сумм и, тем более, связанных с вымогательством под угрозой применения насилия.

Из ответов на расспросные статьи кн. Волконского становится понятно, что к 1715 г. расследование преступлений Д. А. Соловьева отошло для него на задний план. Все свои усилия майор-следователь сосредоточил на сборе материалов против А. А. Курбатова, вероятно, следуя каким-то неофициальным пожеланиям кн. А. Д. Меншикова, а также питая глубокую личную неприязнь к архангелогородскому вице-губернатору [см., например: Письма и бумаги...

⁵ Кстати говоря, третьего бурмистра, исполнявшего свои обязанности в 1712 г. — Звягина, Волконский, по его словам, не вызывал на допрос в Санкт-Петербург в 1715 г. потому, что Звягин в это время пребывал «купчиною у порта Архангелского» (вероятно, таможенным головою — из показаний Волконского статус Звягина невозможно определить точно [РГАДА, ф. 340, оп. 1, ч. 1, д. 70, л. 22]).

Курбатова, с. 470–471, 479]. При этом Михаил Иванович очевидно нарушал принятые процессуальные нормы в сфере организации следственного и судебного делопроизводства, что выразилось в отстранении от полного контроля над ним канцелярского дьяка-секретаря, поручении надзора за выделенным в отдельное производство эпизода какому-то, вероятно, лично ему преданному человеку (А. Стрелкову), небрежном (или умышленно подтасованном) составлении сводной таблицы земских расходов и личном ее утверждении без подьяческой справки и дьяческой скрепы.

Конечно, рассмотренный эпизод следственного дела против майора М. И. Волконского — всего лишь фрагмент пока не выявленных полностью или не сохранившихся документов. На его основе нельзя строить окончательных выводов о степени вины первого российского следователя. Но даже если предположить, что он многократно нарушал процессуальные нормы и брал взятки, предвзято ведя расследование, разворачивая его исключительно против Курбатова, можно ли считать справедливым и правомерным вынесенный ему приговор?

На первый взгляд, на этот вопрос следует ответить положительно. За взятничество, понимаемое как вымогательство денег за отсрочку налоговых платежей и взимание «кормов» («казенные посулы и с народа собираемые деньги»), указами от 25 августа 1713 г. и от 24 декабря 1714 г. однозначно предусматривались конфискация имущества и смертная казнь уличенных в этих преступлениях [ПСЗ, т. 5, № 2707, 2871]⁶. Но какой представитель власти в то время не получал частных вознаграждений? Законодательство Петровской эпохи не дало юридически четких дефиниций понятию «взятка»; в практике неформальных отношений между представителями властных структур и населением (да и внутри властных структур) по-прежнему были в ходу и воеводские «кормления», и «честные приносы». В зависимости от массы обстоятельств следователи и судьи могли квалифицировать их и как взятку, и как добровольное неформальное вознаграждение, дар [Серов]. Что уж говорить, если один из лучших следователей петровского царствования, слышавший среди современников как человек прямой и неподкупный — кн. В. В. Долгоруков, в одном из январских писем 1718 г. писал кабинет-секретарю А. В. Макарову: «Изволь милостиво разсудить, хотя б кто меня в чем и подарил, а бесповреждения и интересу государственного, мне кажетца, всякой в своем добровольно е н. Как я людей дарил, так и меня даривали, и впредь то будет» (выделено мной. — Д. Р.) [РГВИА, ф. 2583, оп. 1, кн. 24, л. 335–335 об.]. Историкам известны многочисленные случаи, когда и более закоренелые взяточники отделялись

⁶ Возможно, как предполагал Д. О. Серов, судьи руководствовались и иным нормативом: статья 27 Артикула воинского — умышленное неисполнение указа начальника [Серов, Федоров, с. 69]. Хотя, по правде говоря, М. И. Волконский, если ориентироваться на букву закона, не был в этом повинен, поскольку в итоге царскими указами ему было поручено расследовать и дело Д. Соловьева, и дело А. Курбатова.

гораздо более мягкими наказаниями или вовсе не привлекались к ответственности. Процессуальные нарушения? Но они явно не могли быть основанием для вынесения смертного приговора, особенно учитывая то, что нормы следственного и судебного процессов, включая нормы ведения делопроизводства, находились в то время в состоянии формирования.

Смертный приговор Волконскому вынес гвардейский кригсрехт, состоявший из шести преображенцев и шести семеновцев, но утвердил его лично царь. Он мог смягчить наказание, приговорив лично известного ему офицера, ветерана многих значимых сражений Великой Северной войны к ссылке, наказанию кнутом, штрафу, как это бывало и при более серьезных преступлениях, допущенных должностными лицами, в том числе и более высокого ранга, но не сделал этого. На возникающий вопрос «почему» может быть дан единственный, на мой взгляд, ответ — Волконский не оправдал того доверия, которое возлагал Петр и лично на него, и на ту новую институцию, которую создавал монарх — на розыскные канцелярии.

К середине 1710-х гг. Петр столкнулся со сложной, не только государственной, но и личной проблемой. Обнаружив (во многом благодаря деятельности фискалов) чудовищные хищения казенных средств, он понял, что к этому причастны многие лица из его ближайшего окружения, начиная с «сердечного друга» Александра Даниловича Меншикова. Вскрывшаяся в 1714 г. так называемая «подрядная афера», в центре которой стоял Меншиков, ряд его клиентов и подчиненных из числа руководителей Санкт-Петербургской губернии и некоторых сенаторов, и принеся миллионный убыток, стала достоянием придворных пересудов и несомненным ударом для царя [Бушкович, с. 331]. По сути, его предали те, на верность которых он уповал многие годы и которые могли считаться его друзьями — если у монархов могут быть друзья: «...после этого случая Петр никогда больше не был так близок с Меншиковым, как раньше» [Там же].

Что оставалось делать царю в такой ситуации? Только использовать свой последний резерв — гвардию, к которому он прибегал во всех кризисных моментах, используя его во всех сферах государственной деятельности. Лично преданные Петру гвардейцы, обязанные ему своим привилегированным положением, не могли подвести. Офицеры гвардейских полков были известны государю поименно; со многими он буквально рос, еще со времени потешных рот в Преображенском; он крестил их детей и бок о бок прошел все этапы Северной войны, начиная от Нарвского поражения 1700 г. [Болтунова, с. 175]. И именно поэтому, создавая первые в истории страны органы досудебного следствия, он доверил их гвардейцам. Розыскные канцелярии должны были, невзирая на чины, беспристрастно и честно сделать работу, не исполненную разнообразными правительственными учреждениями, которым ранее было поручено охранять государственный интерес. И первый же руководитель подобной канцелярии доверия не оправдал. Представляя характер Петра, можно понять его болезненную реакцию на преступления гвардейского майора князя М. И. Волконского.

Доверие — категория, бытующая в политической философии со времен Аристотеля и Конфуция. Известный британский русист Джеффри Хоскинг, начиная свою статью о феномене доверия, открыл ее именно цитатой из китайского мыслителя: «Конфуций как-то заметил, что правителям требуются три источника: оружие, продовольствие и доверие. Правитель, который не обладает всеми тремя, должен прежде всего отказаться от оружия, потом от продовольствия, но любой ценой держаться за доверие: “без доверия мы не сможем устоять”» [Хоскинг]. Царское доверие оставалось основой системы государственного управления Российской империи начала XVIII в. и главным ресурсом влиятельных сановников [Накишова, с. 166], несмотря на, казалось бы, строгое регламентирование административных процессов. Утратив доверие, опорочив саму идею беспристрастного следствия, Волконский обрек себя на смертный приговор. Неспроста, создавая новые следственные канцелярии в тот же день после казни М. И. Волконского, 9 декабря 1717 г., Петр предупредил новых следователей, что за любые преступления при осуществлении расследования их ждет только один финал — смертная казнь, «ибо пример видите бывшего маеора Волконского» [Серов, Федоров, с. 70]. Пример возымел действие: дальнейшая работа розыскных канцелярий, по большому счету, оправдала царское доверие.

Источники

Письма и бумаги прибывльщика Алексея Курбатова (1700–1720-е годы) / сост. и науч. ред. Д. Серов, А. Видничук, А. Жуковская, И. Федюкин. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2023.

Полное собрание законов Российской империи. Собр. первое. СПб. : Тип. II Отд. собств. Е.и.в. Канцелярии, 1830. Т. 5.

РГАДА — Российский государственный архив древних актов. Ф. 340 (Канцелярия конфискации). Оп. 1, ч. 1. Д. 70.

РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 2583 (Лейб-гвардии Преображенский полк). Оп. 1. Кн. 24.

Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. Т. 4 : Законодательство периода абсолютизма / отв. ред. А. Г. Маньков. М. : Юрид. лит., 1986.

Соборное Уложение 1649 года. Текст. Комментарий / подгот. текста О. И. Ивиной ; коммент. Г. В. Абрамовича, А. Г. Манькова, Б. Н. Миронова, В. М. Панеяха. Л. : Наука, 1987.

Исследования

Болтунова Е. М. Гвардия Петра Великого как военная корпорация. М. : РГГУ, 2011.

Бушкович П. Петр Великий. Борьба за власть (1671–1725) / пер. с англ. Н. Л. Лужецкой, под ред. Д. М. Буланина. СПб. : Дмитрий Буланин, 2008.

Накишова М. Т. Роль личностного фактора в системе управления петровского Санкт-Петербурга (на примере строительства постоянных дворов в 1722–1723 гг.) // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2023. Т. 25, № 4. С. 152–169. <https://doi.org/10.15826/izv2.2023.25.4.066>

Редин Д. А. Губернское финансирование в период первой областной реформы. Архангелогородский вариант // *Quaestio Rossica*. 2023. Т. 11, № 3. С. 1010–1026. <https://doi.org/10.15826/qr.2023.3.831>

Серов Д. О. «Взятков не имал, а давали в почесть...» // Отечественные записки. 2012. № 47(2). С. 211–223.

Серов Д. О., Федоров А. В. Дела и судьбы следователей Петра I. 2-е изд. М.: Юрист, 2019.

Хоскинг Д. Почему нам нужна история доверия? // Вестник Европы. 2002. № 7–8. URL: <https://magazines.gorky.media/vestnik/2002/7> (date of access: 07.02.2024).

References

Boltunova, E. M. (2011). *Gvardiia Petra Velikogo kak voennaia korporatsiia* [The Guard of Peter the Great as a Military Corporation]. Moscow: RGGU.

Bushkovitch, P. (2008). *Petr Velikii. Bor'ba za vlast' (1671–1725)* [Peter the Great: The Struggle for Power, 1671–1725]. St Petersburg: Dmitrii Bulanin.

Hosking, D. (2002). Pochemu nam nuzhna istoriia doveriia? [Why do We Need a History of Trust?]. *Vestnik Evropy*, 7–8. Retrieved from <https://magazines.gorky.media/vestnik/2002/7>

Nakishova, M. T. (2023). Rol' lichnostnogo faktora v sisteme upravleniia petrovskogo Sankt-Peterburga (na primere stroitel'stva postoiialykh dvorov v 1722–1723 gg.) [Role of the Personal Factor in the St Petersburg Government System under Peter the Great (with Reference to Inn Construction in 1722–1723)]. *Izvestiia Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*, 25(4), 152–169. <https://doi.org/10.15826/izv2.2023.25.4.066>

Redin, D. A. (2023). Gubernskoe finansirovanie v period pervoi oblastnoi reformy. Arkhangelogorodskii variant [Provincial Financing during the Period of the First Regional Reform. Arkhangelsk Version]. *Quaestio Rossica*, 11(3), 1010–1026. <https://doi.org/10.15826/qr.2023.3.831>

Serov, D. O. (2012). “Vziatkov ne imal, a davali v pochest'...” [“Not Bribes, but Honours”]. *Otechestvennye zapiski*, 47, 211–223.

Serov, D. O., & Fedorov, A. V. (2019). *Dela i sud'by sledovatelei Petra I* [Cases and Fate of the Investigators of Peter I]. Moscow: Jurist.

Редин Дмитрий Алексеевич

доктор исторических наук,
главный научный сотрудник
Институт истории и археологии УрО РАН
620990, Екатеринбург, ул. Ковалевской, 16
E-mail: volot@mail.ru

Redin, Dmitry Alekseevich

Dr. Hab. (History), Chief Research Fellow
Institute of History and Archaeology UB RAS
16, Sofia Kovalevskaya St.,
620990 Ekaterinburg, Russia
Email: volot@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-3431-1662>
Scopus AuthorID: 55838143300
WoS ResearcherID: AAO-2947-2020